

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА ИМ. Т. В. БАРСОВА
(«БАРСОВСКОЕ ОБЩЕСТВО»)

Ю. В. Оспенников, П. И. Гайденко

**Церковный суд
на Руси XI–XIV веков.
Исторический и правовой аспекты**

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбПДА
2020

УДК 281.93+94(47)
ББК 86.372.24-34+63.3(2)4
О-75

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-019-0511

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви
Выписка из Протокола № 12 от 23.10.2020 года

Рецензенты:

Иеромонах Григорий (Матрусов Даниил Николаевич) — кандидат богословия, доктор церковного права, председатель экспертного совета по взаимодействию с исламским миром.

Протоиерей Александр Владимирович Задорнов — кандидат богословия, доцент, проректор по научно-богословской работе Московской духовной академии.

Александра Андреевна Дорская — кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург).

Оспенников Ю. В., Гайденок П. И.

О-75 Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты : монография / Ю. В. Оспенников, П. И. Гайденок ; Санкт-Петербургская духовная академия, Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова («Барсовское общество»). — СПб. : Изд-во СПбПДА, 2020. — 260 с.

ISBN 978-5-906627-83-4

Монография доктора юридических наук Ю. В. Оспенникова и доктора исторических наук П. И. Гайденок охватывает период от времени восстановления канонической власти Константинополя над Киевской первосвятительской кафедрой после митрополита Илариона до переезда святителя Петра в Москву и посвящена церковным судам в Древней Руси середины XI — первой четверти XIV вв. Основное внимание сосредоточено на вопросах судебной практики этого времени и на проблемах соотношения каноническо-правовых реалий Руси с каноническими нормами Византии.

Делается вывод, что при всей неоднозначности рассматривавшихся в церковных судах дел, оценка вынесенным решениям не может быть дана историками без учета исторического контекста эпохи и специфического правосознания современников. Очевидно, что Русь ориентировалась на каноническо-правовые нормы Византии, однако их реализация не всегда была возможной, что объяснялось как социально-политической действительностью, так и общим уровнем правовой культуры церковной иерархии. Также рассматриваются принципы древнерусского церковного суда — публичности, соборности, состязательности, справедливости и законности, гласности, равенства, и письменный характер судопроизводства.

Рекомендуется преподавателям и студентам богословских учебных заведений, богословских факультетов светских вузов, а также всем интересующимся историей Русской Церкви и ее канонического права.

УДК 281.93+94(47)

ББК 86.372.24-34+63.3(2)4

ISBN 978-5-906627-83-4

© Издательство Санкт-Петербургской
Православной Духовной Академии, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Монография «Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты» Юрия Владимировича Оспенникова и Павла Ивановича Гайденко — первое издание такого рода, выпущенное Издательством Санкт-Петербургской духовной академии и вышедшее под эгидой Общества по изучению церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества). Созданное в начале 2019 года в стенах Санкт-Петербургских духовных школ, Общество не только становится всё более активным организатором академической церковно-правовой науки, но и своего рода катализатором тех или иных научных изысканий в данной области, итогом своим имеющих, помимо публикаций в научных журналах Академии, подготовку и выпуск научных монографий. Представленная вниманию читателя работа Ю. В. Оспенникова и П. И. Гайденко является зримым воплощением результатов указанной деятельности Общества и, как уже сказано, первым подобным изданием Санкт-Петербургской духовной академии.

Примерно такой — полностью соответствующий действительности — текст хотелось бы мне написать по случаю выхода в свет долгожданной книги уважаемых Юрия Владимировича и Павла Ивановича. Однако есть нюанс.

Первой в новейшей истории Санкт-Петербургской духовной академии монографией по церковному праву стала вышедшая в нашем Издательстве в 2018 году книга доктора исторических наук Андрея Юрьевича Митрофанова «Очерки из истории канонического права XI–XII вв.». Год спустя вышла в свет вторая работа Андрея Юрьевича «Церковные Соборы в позднеантичной Италии (с хрестоматией)». Таким образом, в наши дни именно А. Ю. Митрофанов стал первопроходцем в деле издания научных работ по церковному праву в Санкт-Петербургских Духовных школах. И неслучайно, что именно он, автор первых изданных нами научных трудов по истории церковного права, стал основателем Барсовского общества. (Подробнее с историей создания Общества можно ознакомиться на страницах журнала

«Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии».)

Изначально Общество видело три основных направления своей работы: история церковного права (в т. ч. — Древней Руси и западного), теория церковного права, церковный суд. Причем вопросы, связанные с церковным судом, следует выделить особо. Здесь уместно будет вспомнить Тимофея Васильевича Барсова (1836–1904) — ставшего в 34 года не только профессором Санкт-Петербургской духовной академии, но и членом Комитета по преобразованию судной части духовного ведомства (1870), — научные интересы которого в значительной своей части были связаны именно с церковным судом. Более того, Т. В. Барсов — один из наиболее активно печатавшихся, прежде всего в «Христианском чтении», ученых-канонистов Академии. Таким образом, определяя сегодня направления деятельности Общества по изучению церковного права, мы не только следуем дореволюционной академической традиции, но и пытаемся кирпичик за кирпичиком строить здание современной петербургской школы церковного права. (Время покажет, насколько наши претензии обоснованны.) Указанные направления исследований — история, теория, суд — постоянные темы как регулярных, в каждом номере, публикаций в «Христианском чтении», так и ежегодных Барсовских чтений (конференций по церковному праву); сейчас они воплощаются в научную монографию, которая именно в этом смысле действительно является первой такого рода.

Авторы данной работы — Юрий Владимирович Оспенников (доктор юридических наук) и Павел Иванович Гайденко (доктор исторических наук) — признанные авторитеты не только в своих областях науки, но и в своеобразной, весьма и весьма мультидисциплинарной науке, каковой является сегодня церковное право. Тандем этих научных областей указан в названии монографии — «Исторический и правовой аспекты», и мог бы нами почитаться оптимальным для церковно-правовых исследований, кабы в родовом понятии «право» не присутствовало в данном случае видовое отличие — «церковное». Вопрос

о необходимости уделять большее внимание богословской стороне исследований в науке церковного права уже поднимался ранее, на III Барсовских чтениях в декабре 2019 года. Как думается, это дело будущего. Возможно, будущее науки церковного права — углубление мультидисциплинарности...

В заключение отмечу, что представленная вниманию читателя работа построена по пандектному принципу и включает в себя Общую часть — «Становление церковного суда на Руси XI–XIV вв.» и «Принципы древнерусского церковного суда», и Особенную часть, в которой рассматриваются конкретные примеры судебных процессов над епископатом и духовенством. На этом я заканчиваю свое вступление и, передавая слово уважаемым авторам, позволю себе выразить общее мнение всех участников Барсовского общества: монография «Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты» есть наша лепта в развитие современной науки церковного права.

*Д. В. Волужков,
директор Издательства
Санкт-Петербургской духовной академии,
секретарь Барсовского общества*

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО СУДА НА РУСИ XI–XIV ВВ. (Исторический аспект)

При том, что вопросы возникновения и формирования церковного суда на Руси XI — первой четверти XIV вв. неоднократно привлекали внимание исследователей, едва ли полученные ответы способны удовлетворить как существенно возросшие потребности современной науки, так и притязательные запросы любознательных ценителей отечественной истории Церкви и права. Не менее остро стоит проблема знакомства современных историков с каноническими реалиями Византии, южнославянских государств, а также государств Восточной, Западной и Северной Европы, с которыми Русь поддерживала отношения и каноническо-правовые влияния которых на систему древнерусского права не могут быть поставлены под сомнение. Не меньшей остротой отличается и проблема понимания того общества, которое изучают историки и правовые институты которого стремятся понять. Именно поэтому, невзирая на то, что в последние годы проблемам становления церковных судов посвящено несколько диссертационных исследований¹, а тематика канонического права вернулась в вузовские учебники и обзорные работы по истории судов на Руси, предлагаемые исследователями концепции чаще всего отличаются формальностью подходов. В то время как историкам не хватает системности и четкости в интерпретации правовых памятников, юристы в своем подавляющем большинстве не принимают во внимание

¹ Обзорные работы по церковному праву на Руси: *Гаранова Е. П.* Церковное право в правовой системе российского общества: Общетеоретический и исторический аспекты: дисс. ... канд. юр. наук. Кострома, 2004. 241 с.; *Мацелюх И. А.* Генезис інституту юридичної відповідальності у сфері регулювання державно-церковних відносин в Україні (IX–XVII ст.): дисс. ... д-ра юр. наук. Київ, 2019. 473 с. и др. Работы по церковному суду: *Гаращенко А. Ю.* Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: дисс. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2006. 181 с.; *Левчук М. В.* Церковний суд у Київській Русі (історико-правове дослідження): автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Київ, 2010. 23 с. и др.

историю создания и особенности использования рассматриваемых источников, не учитывают степень их авторитетности и распространенности на Руси, упускают из виду проблемы антропологии средневекового общества, особенности канонического сознания людей той эпохи, недооценивая или же, напротив, переоценивая эффективность усилий и результаты деятельности церковных и иных институтов. Более того, практически неизученным является феномен личности, включавшейся в судебный процесс, жернова которого были способны перемолоть своих жертв и навязать обществу тот образ подсудимого, который был выгоден сильной стороне. Несомненно, ответить на все сформулированные вопросы затруднительно. Однако вполне реализуемым видится проследить основные этапы становления церковного суда на Руси XI – первой четверти XIV вв.

Представляется логичным полагать, что церковный суд на Руси должен был появиться тогда же, когда на берега Днепра и Волхова пришла церковная иерархия, а епископат получил возможность осуществлять свое служение в главных городских центрах новопросвещенных земель славян. Сама природа церковного суда предполагает рассматривать суд как важнейшую и богоустановленную функцию Церкви. Императорская власть Рима, а несколько позже Византии закрепила право совершения церковных судов за архиереями, рассматривая церковный суд в качестве суда, обладающего широчайшей автономией². Впрочем, как хорошо показало исследование прот. В. Цыпина, многие аспекты и нормы церковного суда отличались своей подвижностью, видоизменяясь по мере того, как трансформировались церковные и государственные институты и связывавшие их отношения³.

² Судебные права епископата были закреплены императорскими эдиктом 318 г. и эдиктом от 5 мая 333 г. Г. В. Нефедовский, комментируя содержание данных законов, обращал внимание на то, что решения епископата в церковных судах по гражданским спорам не предполагали обжалования (*Нефедовский Г. В. Церковь, правосудие и суд в Византийской империи // Философия права. 2017. № 1 (80). С. 97.*)

³ *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М.: Сретенский монастырь, 2012. С. 624–626.

Однако на Руси ситуация видится более сложной. Знакомство с источниками позволяет заключить, что полноценное функционирование здесь церковных судов началось значительно позже, только со второй половины XI в. Это особенно примечательно, если принять во внимание, что Уставы Владимира Святославича и Ярослава Владимировича предоставляли епископату право совершения судов над церковными людьми и христианами⁴ на основе норм, принятых в Византии⁵. При этом Устав Ярослава о церковных судах наделял епископов правом совершения судов с применением штрафов. Впрочем, вопрос о достоверности Устава Ярослава о церковных судах, как и Устава Владимира, не имеет однозначного разрешения⁶. Если о церковных судах над мирянами почти что ничего неизвестно, то о судах над духовенством сообщает значительное число источников. Первым подтверждаемым судом над клириком стал суд над новгородским епископом Лукой Жидятой⁷.

⁴ См.: Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 16–19; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Там же. С. 85–91.

⁵ Отсылка к церковным канонам содержится во вводных статьях Уставов. Так, 4 статья Устава Владимира Святославича прямо указывает на Номоканон: «И по том возрех в греческий номоканун и обретох в нем, юже не подобает сих тяжь и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его». Не менее ясно говорит об этом и Устав Ярослава Владимировича: «А се аз, князь великий Ярослав, сын Володимеров, по даню отца своего сгадал есмь с митрополитом киевским и всея Руси Иларионом, сложихом греческыи номоканон; еже не подобает сих тяж судити князю, ни бояром его, ни судиям его, дал есмь митрополиту и епископом: роспусты по всем городом <...>» (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных... С. 18 [ст. 4]; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод]... С. 86).

⁶ Мнения о происхождении уставов и неоднозначности зафиксированных в них норм см. подр.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. С. 617–639; Юшков С. В. Устав князя Владимира (историко-юридическое исследование) // Серафим Владимирович Юшков. М., 1989. С. 71–335; Гайденко П. И. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Сер. № 2: История, История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 7–16.

⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 118; Т. 43. С. 54–55; Т. 6. Вып. 1. С. 183; Т. 9. С. 91.

Событие приобрело резонансный характер, открыв целую череду подобных историй.

Цели церковного суда на Руси в целом повторяли те же цели, какие преследовал и церковный суд в Византии. С одной стороны, суд поддерживал то, что порой называют «каноническим строем». Под ним подразумеваются внутренняя целостность Церкви, строгое следование церковным канонам и догматам, наконец, сохранение литургических практик древности. В условиях Древней Руси под этим понималось и сохранение связей с Константинополем. С другой стороны, церковный суд выступал эффективным инструментом дискредитации и уничтожения политических и религиозных противников, демонстрации мощи, сосредоточенной в руках епископата власти. Обладая высокой автономией по отношению к императорской власти⁸ и авторитетом в кругу клира, епископский суд в своих публичных формах убедительно утверждал высокое положение в обществе архиереев и одновременно служил эффективным источником доходов для митрополичьей и для епископской казны. О том, что церковный суд являлся в условиях Древней Руси важнейшим

⁸ В данном случае весьма показательно, как выстраивались отношения между церковным и императорским судами в Византии. Так, например, 117 правило Карфагенского Собора в случае, если судебного рассмотрения требовал клирик (епископ, пресвитер или диакон), определяло: *«Постановлено, чтобы если кто из клира будет просить от царя рассмотрения о себе в светских судилищах, лишен будет своей чести. Если же будет от царя просить себе суда епископского, отнюдь да не возбранится ему это»*. А 15 правило того же Собора еще более категорично предписывало: *«Рассуждено также, чтобы кто бы ни был из епископов, или пресвитеров, или диаконов, или причетников, если, имея возникшее в Церкви дело обвинительное или тяжёбное, отречется от церковного суда и захочет оправдаться перед судилищами светскими, лишился своего места, хотя бы и в пользу его решение последовало. И это по делу обвинительному, по делу же тяжёбному да лишается того, что приобрел по решению дела, если хочет удержать место свое»*. Последнее правило откровенно отказывало государственному суду и явно вступало в противоречие с государственными законами, напоминая клирикам, за кем останется последнее слово (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 157–160, 253–254). Правда, практика показывала, что далеко не все императоры были готовы согласиться с подобной категоричностью церковных канонов.

источником дохода, можно заключить по обилию разнообразных штрафов в пользу митрополита, закрепленных в Уставе князя Ярослава⁹. Анализируя ситуацию в этой области, Н. С. Суворов обращал внимание на то, что суд в условиях восточнославянского общества рассматривался епископатам в качестве одного из важнейших источников пополнения казны. Так, например, основываясь на опыте Новгорода, церковная жизнь которого лучше всего отражена в источниках, выдающийся историк права полагал, что в XI–XV вв. важнейшим источником доходов митрополии был т. н. месячный суд, заключающийся в праве «*въезда митрополита в подчиненную ему епархию для производства суда в течение месяца*». При этом первоиерарх обладал правом «*получения судебных пошлин или денежных доходов, вытекавших из права суда, без производства самого суда*»¹⁰. Однако, невзирая на всю «законность» подобных подношений, сам тон сообщений о них позволяет заключить, что объезды митрополита, во время которых и совершались выплаты, являлись для епископских кафедр и городов тяжелым бременем. Соглашаясь с мнением Н. С. Суворова в отношении существования практики «месячного суда» в конце XIV — начале XV вв., применительно к XI и даже к XIII вв. такое положение дел видится сомнительным.

Во-первых, в домонгольской Руси митрополичьи поездки были редкостью¹¹. Во-вторых, в затрагиваемый период архиереи

⁹ Несомненно, введение штрафов за нарушения в области церковной морали — специфическая черта древнерусских церковных Уставов, хорошо изученная в работах Я. Н. Шапова. Став на начальном этапе источником поддержания материальных ресурсов слабой церковной организации, дарованные Церкви пошлины были одновременно способом урезания прав и влияния городов, отражая борьбу княжеской власти с местным самоуправлением (*Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 95–123; Его же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 115–135; 279–306*).

¹⁰ *Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 1912. С. 93.*

¹¹ Среди греческих первоиерархов лишь один совершал поездки с целями умиротворения враждовавших сторон. Это был митрополит Михаил (ПСРЛ. Т. 3. С. 145–146; Т. 4. Ч. 1. С. 208; Т. 9. С. 158). Впрочем, за стены столярного Киева выезжал еще один митрополит, Иоанн, чье имя отмечено в сообщении об освящении Успенского собора Печерского монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199;

еще не обладали влиянием, которое позволяло взимать с кафедр деньги и средства без ущерба для своего авторитета¹². К тому же практика «месячных судов» применительно к XI–XIII вв. в источниках не прослеживается. Вызывает сомнение даже применение норм Устава Ярослава о церковных судах. Проведению подобных процессов препятствовали и крайне низкий уровень усвоения населением норм христианской морали, и сам строй жизни русских земель, в котором святительская власть была существенно ограничена местными элитами. Организация судов над «мирянами» и даже над «духовенством» в этих условиях могла лишь нанести ущерб авторитету Церкви. Именно поэтому ответы епископа Нифонта на вопросы Кирика и иных совопрошателей характеризуются предельной снисходительностью к несовершенствам христианской жизни новгородцев¹³. Сам характер вопросов позволяет заключить, что найти достойного кандидата

Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 4: XII век. СПб., 2004. С. 314; *Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 43–54). Активные объезды русским первосвященником митрополии стали обычным явлением только со времен митрополита Кирилла, вынужденного пуститься в странствия ради сохранения единства митрополии (*Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019. С. 122–126).

¹² В качестве примера подобного противостояния городов практике взимания средств с кафедр в пользу Киева может служить упрек в сторону епископа Леона, «не по правде» занявшего кафедру, и прославившегося поборами с духовенства (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351–352; Т. 2. Стб. 493). Принимая во внимание ктиторский характер большинства храмов Руси, подобные выплаты, взывавшиеся с духовенства, ложились тяжким бременем на плечи ктиторов церковей. Безотносительно того, насколько законными были упомянутые требования епископа о выплатах в пользу Киевской кафедры (была ли это обещанная митрополиту за получение кафедры сумма или не менее тяжелая по своему объему выплата, оговоренная нормами 123 новеллы Юстиниана), возникшая практика оценивалась не иначе как «грабление».

¹³ В. В. Мильков в своем анализе «Вопрошания» Кирика обратил внимание на то, что в своих советах о духовном руководстве пастырями и мирянами Нифонт Новгородский предлагал новгородским духовникам пороки христианского общества «лечить не запретами и наказаниями, а увещаниями» (*Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. С. 287).

для принятия священства было сложно даже по формальным признакам. И, судя по решениям Собора 1273 г., актуальность обозначенной проблемы сохранялась и в последующем¹⁴. Существенно урезал права архиереев ктиторский характер храмов и монастырей. Их широкая автономия от епископского надзора или, по меньшей мере, способность сопротивляться святительским вторжениям во внутреннюю жизнь хорошо прослеживается как на Юге Руси, так и в Новгороде¹⁵.

Не вызывает сомнения, что Русь восприняла византийские каноническо-правовые нормы. Правда, как уже было отмечено, объем усвоенного наследия был невелик ни по объему почерпнутых в римском праве норм, ни по глубине усвоенной правовой культуры. Открывшаяся перед русскими книжниками юридическая и каноническая культура империи оказалась мало востребованной. Хотя не вызывает сомнения, что русское иночество

¹⁴ Вывод об этом можно сделать на основе рекомендаций, данных участниками Собора при выборе кандидатов для рукоположения: «*Нъ хотяци поставлены быти, да испытают их потонку, аще житие их чисто изборящеть, девство соблюдиши, девицу по закону приведиши, и законному снятию бывши, аще грамоту добре сведят; нъ и ту скоро их не поставляйте, аще будут не кощунници, ни хищницы, ни пьяницы, ни ротницы, ни сварливы. Потом подобает испытать их о вещах греховных, еда в блудстве содомском быти будут, ли со скотиной, ли в руку согрешение, или в татьбе, разве аще не детского, ли преже поятия жены своей растлит девство, ли с многими легал будет, или от своей законной блуд створил будет, а или в лживе послушестве был будет, или убийство створил будет, волей или нужей, или резовник, или челядь друча голодом и наготой, страдой насилие творя, или дани бегая, или чародеец. Аще кто от прежереченных сих вин хотя единой ят будет, таковой не может быти поп, ни диакон, ни причетник. Да кто свободен будет от всех сих вин поручением отца духовного, понеже и поручиться .з. поп иных с прочими добрыми свидетелями, да поставят ѿ» (Определения Владимирского Собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 90–91).*

¹⁵ См. подр. наблюдения: Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2013. С. 14, 33–34; Гайденко П. И. О пределах канонической власти архиереев домонгольской Руси: богослужебный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 145–158; Егоров А. В. Несколько замечаний об институте ктиторов в домонгольской Руси (на примере Печерского монастыря) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 4. С. 13–34.

в лице монашествующих книжников и части игуменов имело представление об особенностях устройства и регламентирования монастырей и ктиторств¹⁶. К тому же нормы византийского законодательства, прежде всего Эклоги, либо их влияние обнаруживаются уже в Уставе Владимира¹⁷, в церковной судебной практике¹⁸ и даже в способах регламентации межкняжеских отношений¹⁹. Особенностью последних было продолжительное отсутствие какого-либо правового регулирования внутрикняжеских противоречий и положения князя на Руси. Некоторым исключением в этой ситуации являлся Новгород, где на определенном

¹⁶ Говоря о трудностях первых лет жизни печерских иноков, составитель записи предельно точно воспроизводит основные типы монастырей Руси, соотнося их с византийской типологией ктиторских монастырей: «мнози бо манастири ѿ цѣрвь . и ѿ божерь и ѿ бѣства поставлени . но не суть таци . кацци же суть поставлени слезами . и пощениемъ . и млтвюю . и бдѣниемъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147–148).

¹⁷ См. наблюдения Л. В. Милова: *Миров Л. В.* К вопросу об истории церковного Устава Владимира // Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 187–189.

¹⁸ Нормы Эклоги, Синтагмы и иных канонических сводов хорошо прослеживаются практически во всех судебных церковных процессах Руси XI–XIV вв., а также в канонической и политической практике последующих эпох (См. подр.: *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; *Его же.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011; *Чемеринская В. В.* Влияние Византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. Опыт сравнительного анализа: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2003; *Белякова Е. В.* К вопросу о судьбе Собрания Новелл Юстиниана в 93 главах в составе славянских Кормчих // *Rossica Romana*. Vol. XVIII. Pisa; Roma, 2010. P. 33–42; *Петров К. В.* К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2013. С. 38–44 и др.).

¹⁹ Примером этого может служить история ослепления князя Теремольского Василька, сюжетная линия которой, по мнению А. А. Пауткина и поддержавшего его выводы И. Н. Данилевского, во многом повторила историю ослепления Романа IV Диогена. Вместе с этим, совершенная в Киеве жестокая казнь в полной мере соответствовала византийской политико-правовой традиции расправы над политическими оппонентами (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231–236; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 128; *Kazhdan A. P.* Blinding // *The Oxford dictionary of Byzantium*: in 3 vol. Vol. I. Oxford, 1991. P. 297–298).

этапе положение князя стало закрепляться письменным договором²⁰, хотя прецедент установления «ряда» между горожанами и князем отмечен и в истории Киева²¹. Впрочем, как показывают исследования В. Я. Петрухина, даже политико-правовые традиции Новгорода в затронутой области нуждаются в очень взвешенных и осторожных оценках²². Восприятие византийского права было одновременно творческим и, вместе с этим, «посильным» и во многом поверхностным. В полной мере это касается и организации церковного судопроизводства. Например, в целом приняв систему наказаний, применявшихся в Византии, Русь, как удачно заметил С. Н. Лоза, не смогла полностью усвоить процессуальную сторону организации и проведения судов²³. Именно поэтому можно говорить о том, что, восприняв канонические нормы Византии, русская иерархия оказалась едва ли не равнодушной и даже чуждой к самой культуре канонической мысли и канонического поведения ромеев.

Конец ознакомительного фрагмента

²⁰ Самый ранний из сохранившихся договоров князей с Новгородом, связанный с именем Ярослава Ярославича, датируется 1265 г. Однако ряды новгородского веча с князьями заключались и ранее, став предметом пристального исследования В. И. Сергеевича (*Сергеевич В. И. Вече и Князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей.* М., 1867. С. 98–120).

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 534; *Вилкул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 212–213.

²² *Петрухин В. Я.* К полемике о договорных отношениях и начале древнерусской государственности // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2018. № 5. С. 131–142; *Его же.* В. Т. Пашуто о древнерусской практике ряда // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. тома Б. Е. Рашковский.* М., 2020. С. 42–50.

²³ *Лоза С. Н.* Славянская рецепция Византийской Эклоги: место и значение славянской Эклоги в средневековой системе права // *Молодой ученый.* 2016. № 4 (108). С. 649–652.